

О «ядерном кейсе» Анкары

Комментарий Центра АРВАК, 26.02.2026

Аннотация

АРВАК анализирует резонансное заявление главы МИД Турции Хакана Фидана о потенциальном вступлении страны в ядерную гонку. На основе данных из открытых источников и отчетов профильных институтов (IISS, Carnegie) исследуется процесс формирования турецкой научно-технологической базы в атомной сфере. Особое внимание уделяется скрытому сотрудничеству с Пакистаном, закупкам оборудования двойного назначения и использованию гражданских АЭС («Аккую», «Синоп») в качестве базы для подготовки профильных кадров. Рассматривается внешнеполитическая стратегия Анкары, направленная на шантаж союзников по НАТО и региональных соперников в условиях возможного появления ядерного статуса у Тегерана.

Ключевые слова: Турция, Хакан Фидан, ядерное оружие, ДНЯО, АЭС «Аккую», Пакистан, Абдул Кадир Хан, Ближний Восток, региональная безопасность, двойные технологии.

1. Вербальные триггеры и смена дискурса

09.02.2026 в рамках интервью телеканалу *CNN Türk* министр иностранных дел Турции Хакан Фидан заявил, что его страна будет вынуждена присоединиться к ядерной гонке «в случае появления такого оружия в других странах региона». По его словам, Турция не желает наблюдать в регионе «резкие изменения», способные нарушить текущий баланс сил. Согласно главе турецкого внешнеполитического ведомства, страны, имеющие неурегулированные вопросы с Ираном, начнут стремиться к обладанию ядерным оружием, что потребует от Анкары присоединения к этой гонке. Практически все международные средства массовой информации, прокомментировавшие заявление Х. Фидана, особо отметили то обстоятельство, что на уточняющий и прямой вопрос журналиста о желании Турции обладать атомным оружием министр отреагировал «молчанием, сопровождающимся многозначительной улыбкой».

2. Генезис ядерной инфраструктуры Турции

Согласно данным аналитических центров, таких как британский Международный институт стратегических исследований и Фонд Карнеги, Турция, начиная с 1950-х годов, последовательно формировала собственную научно-образовательную базу для освоения ядерных технологий. Заявленной целью при этом являлось их последующее применение в сферах энергетики и здравоохранения. До прихода к власти «Партии справедливости и развития» (ПСР) Анкара не предоставляла международному сообществу серьезных оснований для подозрений в уклонении от обязательств по подписанному ею в 1969 году «Договору о нераспространении ядерного оружия» (ДНЯО) или в проведении работ, свидетельствующих о намерениях приобрести собственное ядерное оружие. Турция демонстрировала полную удовлетворенность своей интеграцией в глобальную систему безопасности НАТО, которая главным образом предполагает «ядерный зонтик» для страны со стороны союзников по Североатлантическому альянсу. Начиная со времен «холодной войны» и по настоящее время на турецкой территории размещалась часть тактического ядерного арсенала

блока НАТО (по различным оценкам, в настоящий момент речь идет о 50-100 боеголовках), к которому Анкара не имела прямого доступа, но который могла рассматривать как гарант своего суверенитета и надежной защиты.

Однако с приходом «Партии справедливости и развития» (ПСР) к власти в Турции в 2002 году и последующим процессом ослабления позиций кемалистов, традиционно ориентированных на сохранение сложившегося баланса в отношениях с НАТО, Анкара начала проводить более самостоятельную региональную и международную политику, что также нашло отражение в сфере ядерных разработок страны. Турция активизировала работы по наращиванию научно-исследовательского потенциала и подготовке академических кадров в области ядерной физики. По оценкам аналитиков Фонда Карнеги, за последнее время Турция осуществила масштабные работы в рамках своей программы развития мирного атома, которые в достаточной мере свидетельствуют о том, что в теоретическом плане страна вплотную приблизилась к возможности самостоятельного создания ядерного оружия.

3. Технологический базис и сотрудничество с внешними игроками

Наличие 4-х центров ядерных исследований – в Чекмедже, Сарайкее, Анкаре (ANAEM) и Стамбуле (TRIGA) – позволяет предположить, что турецкие специалисты активно осваивают данную область. Это потенциально способствует накоплению необходимых теоретических и практических знаний для дальнейших работ в сфере разработки ядерного оружия. При этом Турция осуществляет тесное сотрудничество с Российской Федерацией, предоставив ей право на строительство первой турецкой АЭС («Аккую») и одновременно обязав ее проводить подготовку турецких специалистов в ведущих российских научно-образовательных центрах ядерной физики. В тех же целях Анкара в настоящее время ведет переговоры с Сеулом, стремясь в обмен на тендер по строительству еще одной атомной электростанции в Турции получить доступ к южнокорейским ядерным технологиям и центрам подготовки кадров.

Масштабные и диверсифицированные инициативы Анкары позволяют сделать вывод о том, что на определенном этапе Турция будет способна конвертировать накопленный потенциал в разработку боевых ядерных технологий. Более того, эксперты британского Международного института стратегических исследований не исключают, что Турция уже располагает значительным количеством центрифуг для разделения изотопов урана, доведя процесс до необходимых «боевых кондиций».

О серьезности намерений Анкары по расширению собственной базы ядерных разработок свидетельствует и ряд других косвенных фактов. Согласно данным Министерства энергетики и природных ресурсов Турции, в стране имеются подтвержденные запасы урановой руды в объеме не менее 9.000 тонн. Кроме того, Турция обладает значительными запасами ториевой руды, оцениваемыми приблизительно в 380.000 тонн. До 2018 года исключительное право на разработку данных месторождений принадлежало американской компании *Westwater Resources* и аффилированным с ней структурам. Летом 2018 года турецкие власти внезапно отозвали лицензию у американской стороны, восстановив полный контроль над запасами. Однако если данные шаги Анкары можно было объяснить стремлением создать собственную сырьевую базу для дальнейшего

развития национальной ядерной энергетики, то аргументировать ее выявленное тайное сотрудничество с Исламабадом и пакистанскими учеными-ядерщиками исключительно повесткой «мирного атома» представляется крайне затруднительным.

4. Пакистанский след и закупки двойного назначения

Суть дела заключается в том, что именно Турция на протяжении длительного времени служила убежищем для «отца пакистанской ядерной бомбы» Абдул Кадир Хана, которого США и Великобритания подозревали в нелегальной передаче ядерных технологий Северной Корее, Ирану и Ливии. Согласно данным западных разведывательных служб, Турция содействовала коммуникации Абдул Кадир Хана с профильными органами упомянутых стран и, предположительно, предоставляла свою территорию для организации передачи документации и даже транспортировки отдельных компонентов с целью налаживания производственно-технологических цепочек. Учитывая это, тезис о том, что Анкара выступала исключительно посредником в подобных секретных операциях, не являясь непосредственным бенефициаром, выглядит весьма сомнительным. Данное сомнение также подтверждается сведениями немецких и индийских экспертов. Ими отмечены неоднократные попытки, зафиксированные за последние 5 лет, перевезти из Пакистана или через Пакистан в Турцию различные компоненты под видом товаров для гражданских производственных объектов, которые в действительности могут иметь отношение к атомной промышленности, в частности к ее военному измерению. В качестве примера можно привести задержание в индийских портах судов, перевозивших в Турцию металлические корпуса и другие компоненты ракет, задекларированные как оборудование для очистки воды. Кроме того, были обнаружены корабли с автоклавами, задекларированными как промышленные сушилки, которые на самом деле используются для производства диоксида кремния, применяемого в качестве добавки при изготовлении ядерного топлива.

5. Политико-правовая дилемма ДНЯО

Согласно оценкам ряда аналитиков, представленные данные свидетельствуют о наличии у Турции как минимум всех возможностей для инициации технологической цепочки по созданию ядерного оружия и как максимум – о фактическом проведении прикладных работ в данном направлении. Существует лишь одно обстоятельство, обуславливающее крайнюю осторожность Анкары в этом вопросе. Речь идет о «Договоре о нераспространении ядерного оружия» (ДНЯО), гарантом соблюдения условий которого выступают признанные ядерные державы, включающие как геополитических соперников Турции, так и ее союзников по НАТО. Теоретически приобретение Турцией собственного конвенционального оружия массового поражения невыгодно ни одному из упомянутых полюсов, в связи с чем формальный выход Анкары из ДНЯО не способен обеспечить ей уход от ответственности.

Анкара, по мнению ряда аналитиков, рассматривала возможность пересмотра своих обязательств в сфере ядерного нераспространения. Данный контекст во многом обусловлен тем, что радикальные шаги администрации Дональда Трампа, связанные с выходом из ряда

международных соглашений либо их нарушением, существенно ослабили авторитет международного права и продемонстрировали уязвимость глобальной системы сдержек и противовесов. Вместе с тем, как отмечают наблюдатели, Турция не располагает тем уровнем политической и институциональной свободы действий, который присущ Соединенным Штатам. В случае, если Анкара, руководствуясь экзистенциально значимыми для себя задачами, попытается пренебречь положениями «Договора о нераспространении ядерного оружия» либо инициировать выход из него, последствия будут носить принципиально более жесткий характер и повлекут за собой серьезные международные риски.

Между тем, по оценке ряда аналитиков, прежние заявления Р. Т. Эрдогана о несправедливости отсутствия у Турции статуса ядерной державы являлись своего рода «пробным шаром» и способом зондирования международной реакции на ядерные амбиции Анкары. В частности, турецкий лидер озвучил данную мысль в 2019 году на экономическом форуме в Сивасе. Тогда со стороны США, КНР, РФ и ЕС прозвучали оценки, суть которых сводилась к тому, что высказывания Р. Т. Эрдогана обусловлены в большей степени эмоциональными факторами и не следует рассматривать его слова как официальную амбициозную заявку. Турецкому президенту было дано понять, что его заявление не воспринимается в контексте реальной военно-политической инициативы и, следовательно, ему не стоит рассчитывать на лояльность сообщества ядерных держав к идее практического приобретения Турцией ядерного статуса.

Таким образом, амбициозные заявления Р. Эрдогана о «*ядерной несправедливости*» в публичном пространстве игнорировались политиками, а в экспертном сообществе они трактовались главным образом как радикальная риторика, необходимая турецкому лидеру как в контексте соперничества с Израилем и Ираном за региональное лидерство на Ближнем Востоке, так и в целях укрепления позиций ПСР во внутриполитической конфигурации страны. Однако на текущем этапе вовлечение Хакана Фидана в дискурс Эрдогана относительно ядерного статуса кардинально меняет ситуацию. Как констатируют наблюдатели, прагматичному деятелю Фидану не присущ популизм как метод осуществления политической деятельности; следовательно, к его риторике необходимо подходить с исключительной внимательностью, особенно в таких чувствительных для Турции вопросах, как ядерная повестка.

Вышеупомянутое заявление Х. Фидана не является прецедентным. Ему предшествовало интервью в январе 2025 года в эфире телеканала *A Haber*, в ходе которого глава МИД Турции высказал критику в адрес ДНЯО. По его оценке, данный договор страдает от «*структурной несправедливости*», поскольку сохраняет стратегическое превосходство за пятью ядерными державами – постоянными членами СБ ООН. Согласно позиции Фидана, на практике реализуется лишь один аспект договора – предотвращение распространения ядерного оружия, в то время как прогресс в области ядерного разоружения и содействия другим странам в развитии атомной энергетики в мирных целях не обеспечивается. Высказывания турецкого министра иностранных дел прозвучали на фоне обеспокоенности Анкары по поводу иранских возможностей в сфере создания ядерного оружия и уже тогда были расценены в экспертном сообществе как свидетельство потенциальной готовности Турции пересмотреть свои международные обязательства в качестве страны-подписанта ДНЯО.

Самое же недавнее заявление Хакана Фидана содержит более конкретные сигналы. В нем турецкий министр не просто в очередной раз акцентировал внимание на недовольстве Анкары правовыми ограничениями «Договора о нераспространении ядерного оружия» и в целом его анахроничностью, но практически напрямую артикулировал наличие амбиций Турции в сфере ядерного вооружения.

6. Региональный баланс: Иран и Израиль

По существу, заявление Фидана представляет собой шантаж, адресованный в равной степени как Соединенным Штатам, так и Ирану, которые в настоящее время ведут интенсивные переговоры относительно будущего ядерной программы Тегерана. Фидан прагматично выбрал момент для предъявления своих требований, осознавая, что тем самым он дополнительно обостряет ситуацию вокруг Ирана. По его мнению, для Анкары это беспроигрышная комбинация. Упоминание о том, что в случае отказа Тегерана от своей ядерной программы «*другие региональные страны начнут стремиться к обладанию ядерным оружием*», призвано побудить Вашингтон к радикализации переговорных позиций и, как следствие, к войне против Исламской Республики. Очевидно, что Фидан в качестве потенциальных кандидатов на обладание ядерным оружием имел в виду Саудовскую Аравию, возможно, Египет и, собственно, саму Турцию. Намек предельно прозрачен: если США не положат конец ядерным амбициям Тегерана посредством переговоров или военного вмешательства, то в результате получают неконтролируемый процесс распространения ядерных амбиций по всему Ближневосточному региону. Если же, в свою очередь, Иран добровольно не откажется от собственной программы и при стечении определенных обстоятельств сохранит соответствующую инфраструктуру от американского удара, ему придется смириться с тем, что его потенциальные соперники и противники в регионе также возьмут курс на самостоятельное освоение боевых ядерных технологий. Причем вполне вероятно, что они достигнут итогового результата, незначительно отстав во времени от Тегерана. Тем самым Фидан ясно дает понять, что Турция не потерпит непосредственного соседства с новой ядерной державой и сочтет своим суверенным правом достижение ядерного статуса в обход фактически недействующего – на примере того же Ирана – «Договора о нераспространении ядерного оружия». По сути, это серьезный политико-дипломатический удар по позициям Тегерана, который Турция наносит на самом пике кризиса вокруг Исламской Республики. Не исключено, что в числе прочего именно осведомленность о такой позиции Анкары заставила Тегеран еще в январе категорически отказаться от турецкого посредничества в переговорах с американской стороной и выбрать в качестве контактной площадки с оппонентами объективно нейтральный Оман.

Если допустить, что Турция действительно заинтересована в «деатомизации» Ирана и сохранении прежнего баланса сил в регионе, о чем заявлял Хакан Фидан, возникает закономерный вопрос: каким образом Анкара намерена реализовать собственные ядерные устремления, которые, по свидетельствам специалистов, подкрепляются масштабными секретными разработками в кооперации с союзным Пакистаном, если у нее не останется геополитического аргумента, сопоставимого с иранским? Отсутствие новых «ядерных конкурентов» в регионе лишает Турцию возможности легитимировать свои притязания на обладание ядерным статусом. В

условиях сохранения существующего ядерного баланса любые попытки Анкары продвигать подобные инициативы неизбежно встретят жесткое противодействие не только со стороны Соединенных Штатов, но и со стороны России и Китая.

Анализ поведения Анкары позволяет предположить, что в качестве регионального субъекта, угрозой со стороны которого Турция намерена в дальнейшем обосновывать свои «ядерные амбиции», выступает Израиль. С данной точки зрения для Анкары в настоящее время крайне выгоден тот факт, что Израиль официально не подтверждает наличие собственного ядерного арсенала (по различным оценкам – от 100 до 300 тактических боеголовок) и не является государством-участником ДНЯО. Это потенциально предоставляет Турции возможность продолжать развитие собственной боевой программы и сформировать арсенал по принципу зеркальной израильской стратегии отрицания. Парадоксальным образом Тель-Авив, несмотря на стремление ограничить рост влияния Анкары в регионе и ее ядерные амбиции в практической плоскости, в политико-идеологическом измерении способствует легитимизации турецких притязаний на статус обладателя, пусть и негласного, конвенциональным оружием массового поражения.

Однако очевидно, что на данном этапе Анкара приняла решение отложить использование «ядерного кейса» Израиля в своих интересах, сосредоточившись прежде всего на ликвидации иранской «ядерной угрозы». По всей видимости, данная инициатива исходит от Хакана Фидана, который убедил президента Р. Т. Эрдогана в необходимости соблюдать осторожность в антиизраильской риторике и направить все усилия на недопущение вовлечения в ядерную гонку других региональных конкурентов. Турцию не может не беспокоить то обстоятельство, что США параллельно с действиями, направленными на «ядерную деактивизацию» Ирана, рассматривают возможность передачи Саудовской Аравии технологий обогащения урана. Официально данная сделка предполагает развитие программы «мирного атома» в Королевстве под контролем МАГАТЭ, однако ряд экспертов уже выражают опасения, что она может предоставить Эр-Риаду базовый потенциал для разработки в будущем собственного боевого арсенала.

7. Новая нормальность Ближнего Востока

Тем не менее «ядерная гонка» в регионе, о которой предупредил Хакан Фидан как о возможном сценарии развития событий, фактически уже началась, и Турция, как свидетельствуют имеющиеся данные, активно включилась в нее задолго до недавних событий. Учитывая происходящие в мире кардинальные сдвиги и новую поляризацию сил, сохранение ядерного баланса в рассматриваемом регионе Ближнего Востока и прилегающем к нему пространстве представляется нереалистичной задачей. Вопрос заключается в том, под каким уровнем контроля со стороны ведущих мировых центров силы произойдет реорганизация данного баланса безопасности и какие страны смогут извлечь из этого выгоду, трансформировавшись в ядерные державы регионального значения, а какие будут вынуждены остаться вне этого процесса или даже подвергнуться дезинтеграции.